

УДК 903'12

А.В. Табаров

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: tabarev@archaeology.nsc.ru

УСТРИЦЫ И АРХЕОЛОГИ (о термине “аквакультура” в дальневосточной археологии)*

Введение

Страницы журнала “Археология, этнография и антропология Евразии” регулярно становятся местом проведения плодотворных дискуссий по важнейшим практическим и теоретическим проблемам археологической науки – происхождению и миграциям человека современного типа и его предков, формам и содержанию перехода от среднего к позднему периоду палеолита, подходам к интерпретации первобытного искусства и т.д. Представляется, что проблема реконструкции систем жизнеобеспечения и механизмов адаптации древних обществ к различным природным ландшафтам и хозяйственным системам впишется в круг таких дискуссий.

В качестве первого шага мы предлагаем рассмотреть одну из интересных моделей хозяйства, сформулированную творческим тандемом археолога (Д.Л. Бродянский) и гидробиолога (В.А. Раков) по материалам древних культур Приморья и сопредельных территорий, где зафиксированы т.н. раковинные кучи, содержащие значительное количество створок устриц (*Crassostrea gigas*). Авторы назвали ее “аквакультура” и вот уже более 20 лет продолжают активно наращивать аргументацию своей гипотезы в серии работ, опубликованных в России, а также в США, Японии, Корее и Китае. В наиболее концентрированном виде она была изложена в докладе на Всероссийском

археологическом съезде (г. Новосибирск, 2006 г.) [Бродянский, 2006] и в статье в настоящем журнале [Раков, Бродянский, 2007]. Термин “аквакультура” присутствует в целом ряде научно-популярных работ и учебных пособий, изданных для студентов (напр.: [Бродянский, 1995б; Бродянский, Раков, 1986]).

Вступить в дискуссию с авторами модели “аквакультуры” меня подтолкнуло несколько обстоятельств. Во-первых, на протяжении длительного времени я занимаюсь сходной проблематикой – работаю над проектом, посвященным лососевому рыболовству в архаических и традиционных культурах Пацифики, которое также представляет собой особую форму эксплуатации акваресурсов. Во-вторых, научность и жизнеспособность любой гипотезы утверждается в процессе полемики ее авторов с оппонентами. Парадоксально, но, несмотря на неоднозначное отношение дальневосточных археологов к модели “аквакультуры”, до сих пор не было ни одной детальной дискуссионной работы по этому поводу. Вполне можно понять авторов, которые краткие пассажи в публикациях или устных выступлениях на конференциях, а также анонимные рецензии на их статьи воспринимают с обидой и в качестве научной критики не рассматривают (напр.: [Бродянский, 2003, с. 101; 2004, с. 93; 2006, с. 241]). В то же время поле для критики гипотезы “аквакультуры” есть и весьма очевидное. Это касается прежде всего главного теоретического вывода авторов – о *производящем* характере хозяйства, названного “аквакультура”. В-третьих, настал момент, когда вместе с критикой отдельных положений данной гипотезы есть возможность наме-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-00522а “Промысел лосося в архаических и традиционных культурах Тихоокеанского бассейна”.

тить пути ее дальнейшего развития применительно к тематике приморской археологии и Северной Пасифики в целом. Не претендуя на исчерпывающий анализ всех публикаций по этой теме, попробую проследить динамику и терминологическую составляющую гипотезы, а также обозначить наиболее дискуссионные, на мой взгляд, выводы авторов.

Эволюция гипотезы “аквакультуры”

Интерес специалистов к раковинным кучам на побережье Японского моря ведет свой отсчет еще с М.И. Янковского [1881], именем которого названа археологическая культура. На страницах одного из первых выпусков “Тихоокеанской археологии”^{*} по поводу хозяйства янковцев сказано следующее: “Жившие на побережье и островах янковцы были тесно связаны с морем... *Морская адаптация*”^{**} подчеркивается и разнообразием продуктов моря в пищевом рационе (более 60 установленных видов рыб и моллюсков, крабы, нерпа)...” [Диков, Бродянский, Дьяков, 1983, с. 107]. Об аквакультуре еще нет никаких упоминаний. Отсутствуют они и в статье о водной фауне Японского моря в первобытной экономике, вышедшей в 1985 г. [Бродянский, 1985].

По словам самого Д.Л. Бродянского, рождение гипотезы относится к 1984–1985 гг.: “По инициативе В.А. Ракова он и автор с 1985 г. провели подсчеты на нескольких раковинных кучах янковской культуры... Возрастной состав добытых устриц свидетельствовал о *искусственном отборе и сортировке*... Сделанные наблюдения послужили основанием для сообщения об открытии первобытной аквакультуры...” [2003, с. 100]. Справедливости ради отмечу, что в публикации 1985 г. авторы наряду с термином “аквакультура” употребляют и термин “марикультура” – “*система ведения организованного хозяйства по сбору и выращиванию морских организмов*”, – подчеркивая ее отличие от “примитивного собирательства продуктов моря” [Раков, Бродянский, 1985, с. 158]. Здесь же указывается и на связь аквакультуры с экономикой производящего типа: “...производящая экономика стабильна... У стабильно живущего на побережье населения быстро вырабатываются и навыки аквакультуры... В качестве самых предварительных замечаний можно отметить столь же древний, что и у земледелия, возраст аквакультуры, взаимосвязь этих отраслей в прибрежных районах...” [Там же,

^{*}Под этим названием с 1980 г. в издательстве Дальневосточного университета выходит серия тематических сборников по различным проблемам тихоокеанской археологии.

^{**}Здесь и далее в цитатах выделено мной.

с. 158–159]. Практически слово в слово эти выводы о характере *устричного промысла* янковцев повторяются в монографии Д.Л. Бродянского, вышедшей в 1987 г., при описании “хозяйства древних в Уссурийском крае” [с. 212–213]. В том же 1987 г. состоялось исключительно важное для всей дальневосточной археологии открытие: в бухте Бойсмана (акватория залива Петра Великого) был обнаружен памятник, получивший название Бойсмана-2 [Бродянский, Крупяно, Раков, 1995]. Стационарные раскопки здесь начались с 1991 г., и полученные материалы сыграли решающую роль в дальнейшем развитии гипотезы “аквакультуры”. Случилось это чуть позже, а в тезисах доклада на Международной конференции по стратиграфии и корреляции четвертичных отложений Азии и Тихоокеанского региона, состоявшейся в г. Находке в октябре 1988 г., Д.Л. Бродянский и В.А. Раков продолжили характеристику фаунистических комплексов в раковинных кучах янковской культуры: “Являясь остатками хозяйственной деятельности: рыболовства, собирательства и *первобытной аквакультуры*, они (раковинные кучи. – А.Т.) представляют собой результат их смешения... <...> Способ получения – регулярная добыча с *окультуренных устричников*... <...> Метод популяционного анализа, примененный к раковинным кучам и устричникам залива Петра Великого, выявил *древнюю селекцию устриц* по возрасту и посев молодежи” [1988, с. 112–113].

К середине 1990-х гг. раскопки на памятнике Бойсмана-2 дали уникальный археологический и фаунистический материал – нижняя пачка культурных отложений позволила выделить новую неолитическую культуру – бойсманскую. На памятнике она была представлена остатками жилищной конструкции, раковинными кучами и погребальным комплексом [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997].

Новые мотивы в интерпретации раковинных куч и содержания аквакультуры прозвучали в тексте совместного доклада Д.Л. Бродянского и В.А. Ракова на Международном симпозиуме “Археология Северной Пасифики” (г. Владивосток, 1993 г.). Заглавие содержит вполне корректную для предварительного сообщения фразу – “к проблеме аквакультуры” [Бродянский, Раков, 1996б, с. 271]. Анализируя распределение моллюсков в раковинных кучах памятника Бойсмана-2, авторы приходят к выводу, что налицо факт “*контроля основного объекта добычи*, своеобразная забота о сохранении пищевого ресурса на последующие годы, то есть свидетельство *появления примитивной формы аквакультуры* в раннем неолите” [Там же, с. 276–277]. Далее они пишут по поводу систематической эксплуатации устричника: “Уровень этой эксплуатации мы, на основании популяционного анализа, определяем как аквакультуру. Ее присутствие в экономике делает обоснованным поиск следов *других видов*

производящей экономики в этом слое (разведение на мясо собак, одомашнивание свиней)...” [Там же, с. 278]. Из текста пока не совсем ясно, определяется ли сама аквакультура как производящий тип хозяйства.

Совершенно однозначно по поводу содержания *древней аквакультуры* высказывается Д.Л. Бродянский в 1995 г. в курсе лекций “Человек. Культура. Общество” (для школьников, студентов, курсантов, для всех, кто стремится получить гуманитарные знания): “Древнейшая в Приморье неолитическая раковинная куча открыта автором в бухте Бойсмана. Здесь на берегу теплой лагуны, кишевшей рыбой, люди селились 7–5 тыс. лет назад. И устриц отбирали только взрослых – почти без ошибок. Сделать это под водой невозможно даже в акваланге: возврат в воду малышей – посев – велся сознательно. Наблюдения в Приморье дают основание для гипотезы: *вместе с двумя отраслями производящей экономики, земледелием и скотоводством, в неолите родилась и третья – аквакультура*. Три отрасли, которые до сих пор кормят людей...” [1995б, с. 81–84]. Так аквакультура принципиально меняет свой статус в модели – из промысла становится отраслью производящего хозяйства. В тексте научного доклада, по которому в том же году Д.Л. Бродянский защитил докторскую диссертацию, он выразился более сдержанно терминологически, но не менее оптимистично по сути: “Совместно с гидробиологом В.А. Раковым автор, используя популяционный метод, установил факт выращивания янковцами и бойсманцами устриц, добытую молодь – 60 % популяции – возвращали в воду на доращивание, очевидно существование *неизвестной ранее в первобытном обществе отрасли хозяйства – аквакультуры*. 1 га устричника в районе м. Шелеха мог дать в год до 25 т мяса. Эта идея также прокладывает себе дорогу и обретает новые аргументы и сторонников...” [1995а, с. 27]. В 1996 г. вышла статья Д.Л. Бродянского и В.А. Ракова, в которой фраза “*производящая экономика* в неолите Приморья” впервые выведена в заглавие [1996а].

Серия принципиально важных публикаций авторов гипотезы “аквакультуры” относится к 2001–2003 гг. В.А. Раков в статье “Устрицы *Crassostrea gigas* (Thunberg) из раковинных куч Южного Сахалина: интродукция, акклиматизация, аквакультура”, опубликованной в сборнике “Тихоокеанская археология”, приводит результаты наблюдений за устрицами в районе оз. Невского и делает вывод, что естественным путем в силу температурных условий они туда попасть не могли: “Поэтому мы пришли к единственному возможному и, казалось бы, невероятному выводу – озеро Невское в зал. Терпения было искусственно заселено устрицами древними людьми, которые продолжительное время поддерживали их существование, применяя первобытные методы аква-

культуры. Такое искусственное переселение водных организмов называется интродукцией, которая всегда является первым этапом процесса акклиматизации, тесно связанного с аквакультурой...” [2001, с. 27]. Данный вывод представляется исключительно интересным и важным, однако еще более важен вопрос, который ставит сам автор статьи: “...происходила *преднамеренная* или *случайная* интродукция устриц? Случайная интродукция возможна в том случае, когда молодь устриц перевозилась прикрепленной еще личинками к днищам лодок...” [Там же, с. 32]. Впрочем, если для гидробиолога такая альтернатива существует, то для его коллеги археолога, судя по всему, нет – в предисловии к вышеупомянутому сборнику Д.Л. Бродянский пишет лишь о намеренной интродукции: “На стыке гидробиологии, гидрологии и археологии убедительно аргументирован высокий уровень древней аквакультуры. Люди неолита и последующих культур продвинули эту *отрасль экономики* далеко на север, до Охотского моря. Ей богу, жаль мне скептиков!...” [2001, с. 3].

В следующем выпуске “Тихоокеанской археологии” В.А. Раков детально рассмотрел проблему аквакультуры. По его мнению, термин “собирачество”, используемый в археологии, не отражает в полной мере специфики и сложности добычи морских продуктов. К особенностям аквакультуры он относит широкий диапазон культивируемых водных организмов и животных, технологии, включающие мероприятия, связанные с воспроизводством, а также запреты (табу), направленные на охрану и воспроизводство водных биоресурсов. Аквакультура, таким образом, возникает и развивается “с целью получения полезной для человека продукции без ущерба естественным ресурсам культивируемых объектов, с *рациональным использованием условий внешней среды*. Этим аквакультура принципиально отличается от добычи, промысла или рыболовства...” [Раков, 2003, с. 58–59]. Опуская разнообразные статистические данные по размерам добычи морепродуктов, и устриц в частности, в изобилии приводимые в статье, отмечу весьма важные замечания по поводу морфологии культивируемых биоресурсов: «Каких-либо морфологических признаков, отличающих культивируемые объекты от некультивируемых, обычно *немного, и они не являются достаточно четкими...* В отличие от культурных наземных животных и растений, *культивируемые водные объекты практически не имеют четких морфологических признаков, позволяющих различать их...* По сути, *культивируются “дикие” формы* водных организмов... Внешне *раковины культивированных устриц практически ничем не отличаются от выросших в природе*. Только при наличии сравнительного материала можно отметить некоторые отличия...» [Там же, с. 63, 80]. Обращает

на себя внимание то, что гидробиолог нигде не называет аквакультуру производящим хозяйством и обозначает ее как “рациональное природопользование”, а в отношении культивирования устриц использует термин “устрицеводство”. В этом же сборнике присутствуют и комментарии Д.Л. Бродянского к статье В.А. Ракова. Он констатирует важность открытия аквакультуры для дальневосточной археологии и ссылается на положительные и скептические отзывы коллег. Что касается самого термина, то автор ограничивается лишь его узким пониманием – интродукция, сбережение молоди, высев и дорастивание, т.е. *культивирование*, а о производящем характере аквакультуры не упоминает [Бродянский, 2003, с. 103]. Нет упоминаний об этом и в тезисах доклада Д.Л. Бродянского на Международной научной конференции, посвященной 80-летию Н.Н. Дикова, в г. Магадане в 2005 г. В заглавии и в самом тексте говорится о *морской адаптации* [2005, с. 134].

И наконец, последовали две публикации, в которых признание за аквакультурой статуса производящего хозяйства (наравне с земледелием и скотоводством) сформулировано предельно четко. В тезисах доклада на Всероссийском археологическом съезде в октябре 2006 г. Д.Л. Бродянский отмечает, что “другая *производящая отрасль* неолитической экономики – выращивание устриц, аквакультура, открыта при исследовании Бойсмана П.В.А. Раковым и автором... В.А. Раков показал, что *интродукция и акклиматизация тихоокеанских устриц* в неолите Дальнего Востока – не гипотеза, а всесторонне аргументированное открытие...” [2006, с. 240].

В качестве последнего штриха к хронологии развития термина “аквакультура” процитирую фразу из текста, посвященного Д.Л. Бродянскому, на сайте Дальневосточного государственного университета: “...в 1985 г. ... они первыми в мировой археологии показали, что аквакультура – *одна из трех отраслей производства пищи* – зарождается, как и сельское хозяйство, в каменном веке...” [К 70-летию юбилею...].

Дискуссия

Оговорюсь сразу, что ни сам термин “аквакультура”, ни оригинальность идеи у меня не вызывают никаких сомнений. Термин придуман не авторами гипотезы; он введен в литературный оборот гораздо раньше и к археологии вполне применим, поскольку отражает самые разнообразные формы взаимодействия человека и водных ресурсов (см., напр., подробный обзор проблемы: [Erlandson, 2001]). Д.Л. Бродянский и В.А. Раков действительно сделали интересное и важное открытие – продемонстрировали сложный

цикл эксплуатации устриц в рамках нескольких археологических культур в Приморье и на сопредельных территориях. Они убедительно доказали, что аквакультура уже со времени неолита отличалась высокой технологичностью и продуктивностью.

Итак, о чем же спор? О содержании термина и придании аквакультуре статуса производящего хозяйства, что, по моему мнению, является неправомерным. Если авторы ставят аквакультуру в один ряд с земледелием и скотоводством, значит, для этого должны существовать общие четкие параметры. Тем более что хронологически разработка гипотезы “аквакультуры” по времени совпадает или следует за целым рядом классических работ по теории перехода от присваивающего хозяйства к производящему, опубликованных отечественными исследователями [Массон, 1970, 1976, 1989; Березкин, 1969, 1980, 1989; Башилов, 1984, 1985, 1999; Шнирельман, 1986, 1989; История..., 1988; и др.]. Несмотря на дань марксистской традиции, эти работы отличаются высоким уровнем аналитики, логикой теоретических построений и многими смелыми гипотезами, выдвижение которых происходило практически одновременно с аналогичными разработками европейских и североамериканских коллег. Досадная пауза в теоретических исследованиях наступила с середины 1990-х гг. и поставила нынешнее поколение отечественных археологов в положение второгодников, которым приходится наверстывать упущенное. В то же время в англоязычной литературе стабильно продолжают публиковаться работы, посвященные самым разным аспектам соотношения присваивающего и производящего хозяйств (напр.: [Hayden, 1990; Histories..., 2006; Price, Gebauer, 1995; Richardson, 1992; Winterhalder, Golland, 1997; и др.]), и обращение к ним могло бы снять противоречие, имеющееся в гипотезе “аквакультуры”.

Так на современном уровне исследований процесс перехода к производящему хозяйству рассматривается как достаточно длительный (нереволюционный), с этапами постепенного привыкания человека к новым видам ресурсов и способам их эксплуатации. В случае земледелия этот процесс имеет три *обязательные* составляющие, которые принято именовать “доместикация”, “культивация” и “агрикультура”. Под *доместикацией* понимается биологический процесс, вызывающий генетические изменения и приводящий к возникновению *новых видов* растений и животных, существование и воспроизводство которых становится возможным лишь при постоянной заботе человека и невозможно без него. Новые виды обладают теми качествами, которые в диких лишь обозначены, а человеком выделены и многократно усилены в ходе селекции. *Культивация* – технологический процесс, включающий все виды человеческой деятельности по посеву, уходу, сбору, сортировке, переработке и хра-

нению продуктов, сопровождающийся изобретением новых орудий, приспособлений, которые призваны принципиально повысить эффективность хозяйства. *Агрикультура* – социальный результат новой формы диалога “человек – природа”, появление новых форм социальной организации, принципиально отличных от структуры сообществ охотников-собирателей и рыболовов, новый цикл жизни, основанный на полной или частичной оседлости.

Так о чем же на фоне этого говорят аргументы авторов гипотезы “аквакультуры”? По моему мнению, исключительно о *культивации*, т.е. об эффективных технологиях и способах эксплуатации важного источника питания – устриц *Crassostrea gigas*. Нет ни одного свидетельства доместикиции – данных о том, что в биологической классификации имеется особый вид моллюсков, выведенных человеком и существующих *исключительно* благодаря человеку. По заключению В.А. Ракова (гидробиолога), нет четких морфологических критериев для разделения устриц культивируемых и диких. Нет в гипотезе и каких-либо социальных реконструкций, свидетельствующих о кардинальных изменениях в хозяйстве и жизни носителей бойсманской культуры по сравнению с предшественниками. Этот блок, за редким исключением [Морева, Попов, 2003], пока вообще мало разработан по бойсманским материалам.

Устричное мясо, безусловно, играло важную роль в пищевом рационе прибрежных обитателей Южного Приморья. Однако представляется сомнительным, что оно могло (по аналогии с продуктами земледелия, скотоводства и даже рыболовства) составлять его основу. Скорее всего, речь идет о дополнительном продукте, который сглаживал т.н. периоды пищевого риска между сезонами и (что еще предпочтительнее) выступал в роли *деликатеса*.

По сравнению с устрицеводством промысел лосося, существовавший в архаических и традиционных культурах Северной Пасифики, выглядит более масштабным явлением. Его истоки уходят в финальный палеолит (17–16 тыс. л. н.); технологическое сопровождение представлено широчайшим диапазоном орудий, рыболовных конструкций, техник лова, обработки и хранения; мясо лосося было одним из базовых источников питания и составляло основу сезонных запасов для человека и собак*. Именно ло-

*Минимальный уровень ежедневного рациона определяется для климатических условий региона в 2000 калорий. Если даже половину этого рациона составляла красная рыба (ок. 200 калорий в 100 г продукта), то получается, что в год человек съедает ок. 130–140 кг лосося. Безусловно, на разных территориях в зависимости от других компонентов рациона (другие виды рыб, мясо морских животных, птиц, моллюски, наземная дичь и др.) этот показатель будет раз-

сосевый промысел послужил той экономической базой, благодаря которой на тихоокеанских побережьях сформировались культуры с высоким уровнем социальной организации, развитыми ремеслами и специфическим ритуально-мифологическим комплексом [Васильевский, 1994; Гаврилова, Табарев, 2004, 2006; Табарев, 2000; Шнирельман, 1993; Kew, 1976; Tabarev, 2006]. Несмотря на впечатляющие объемы ежегодного лова, есть все основания полагать, что аборигенное рыболовство благодаря знаниям законов хоуминга (возвращение лосося на нерест в родные водоемы) не только не наносило ущерба популяции тихоокеанских лососей, а поддерживало ее. Тем не менее эксплуатация нерестового феномена – это пример *высокоэффективного природопользования*, но не производящего хозяйства.

Если же следовать логике авторов гипотезы “аквакультуры”, то к производящим видам вслед за устрицеводством нужно добавить выращивание дальневосточными народами медведей для особого праздника, плантации личинок, устраиваемые обитателями ряда островов Южной Пасифики под корой упавших деревьев и т.д. Везде мы найдем и увеличение “объема” продукта, и специальные технологии, и приспособления (орудия), и методы интродукции и дорачивания.

Возможно, что именно результаты (действительно впечатляющие!) селекции, продуктивность и эффективность устрицеводства и смутили авторов гипотезы. Рамки “собирательства” и “промысла” им показались недостойными для столь развитой отрасли.

Вместе с тем совершенно очевидно, что и старая парадигма, располагающая присваивающее и производящее хозяйства в иерархической последовательности, уже давно не срабатывает. Переход к производящему хозяйству не “магистральное направление истории”, а один из выборов, альтернативный по отношению к присваивающему хозяйству *способ адаптации* человека на Земле. Различия между ними фиксируются не по уровню продуктивности и технологической эффективности. Присваивающее хозяйство имеет множество форм*,

ным. Так, например, для алеутов, по подсчетам на конец XVIII в., он составлял всего 130 кг в год, для тлинкитов – 225, для хайда – 180, для индейских племен дельты и нижнего течения р. Фрейзер – от 270 до 450 (!), для обитателей ее среднего течения (Томпсон, лиллуэт) – от 270 до 400, для индейцев прибрежных районов штатов Орегон и Калифорнии (шинук, юрок, карок) – от 165 до 180 кг (пересчитано по: [Hewes, 1973]).

*Например, камчатские ительмены, эскимосы Юго-Западной Аляски и тлинкиты практиковали сезонный промысел лосося, но формы его организации, эффективность и продуктивность существенно различаются. Соответственно и социальные характеристики этих культур разные.

значительная часть которых по эффективности явно превосходит ранние формы производящего хозяйства и не уступает даже развитым. Кстати, “потолок” эффективности присваивающего хозяйства – отдельная исследовательская проблема и ни в одной из серьезных современных работ категорически не определяется.

Выводы и перспективы

1. Выдвинутая и всесторонне аргументированная авторами гипотеза “аквакультуры” в неолите Приморья и сопредельных районах юга Дальнего Востока, основная составляющая которой специализированное устрицеводство, – важное открытие и вклад в археологию региона. Анализ ее динамики показывает, что она основана на комплексном междисциплинарном подходе, богатом эмпирическом материале, является эффективным исследовательским инструментом и перспективной для развития моделью.

2. Единственный недостаток гипотезы, на мой взгляд, – признание за аквакультурой статуса производящего (наравне с земледелием и скотоводством) хозяйства. Доказательств полноценной доместики (появления новых видов с ранее не существовавшими свойствами) и социализации (кардинальных перемен в образе жизни и структуре общества под влиянием нового вида хозяйства) нет. Аквакультура является ярким примером высокоэффективного природопользования, элементом приморской адаптации, специализированным промыслом, стратегией и т.д. (варианты обозначения данного явления в публикациях самих авторов). Любой из этих терминов вполне подойдет, и тогда все встанет на свои места – и высокая продуктивность и технологичность, и значимость для древних культур в целом. У модели “аквакультуры”, как справедливо указывают ее авторы, много сторонников среди отечественных и зарубежных специалистов, однако в своих публикациях от трактовки ее как производящего хозяйства коллеги все-таки воздерживаются.

3. Представляется, что упорное отстаивание статуса производящего хозяйства не в интересах дальнейшего развития модели “аквакультуры”. Ее перспектива в детальной разработке вопросов, связанных с разнообразной ролью акваресурсов как в конкретных археологических культурах, так и в масштабах всего Тихоокеанского региона.

4. Перспективными, по моему мнению, являются: а) изучение *взаимоотношений аквакультуры и производящих форм хозяйства*; они не сводятся только к “партнерским” и взаимодополняющим, о чем свидетельствуют археологические материалы северо-западного побережья Северной Америки и

тихоокеанского Южной [Табарев, 2006; Moseley, 1975, 1992; Sandweiss, 1996; и др.]; б) рассмотрение раковинных куч не только как следов промысла и потребления, но и как *остатков ритуальных конструкций*. Свидетельства тому есть в разных районах Пасифики и Атлантики, например, на побережье Флориды [Russo, Heide, 2002].

5. Применительно к бойсманской неолитической культуре предлагаю *предварительную версию* интерпретации раковинной кучи в рамках модели “аквакультуры”. Судя по распространению бойсманских мотивов в керамике, носители культуры успешно адаптировались к различным природным ландшафтам, а не только к прибрежным. Выход бойсманцев на побережье – одна из составляющих сложного сезонного цикла. Материалы погребений на памятнике Бойсмана-2 (богатый погребальный инвентарь, предметы из экзотических материалов (обсидиан), микро-ритуальные комплексы, полиэйконическая скульптура и пластика, изящный декор сосудов, деформация черепов и др.) свидетельствуют о развитых “престижных технологиях”, использовавшихся при погребальных обрядах [Табарев, 2002а, 2002б; Hayden, 1998]. Есть основания полагать, что могильник был местом захоронения племенной элиты, а раковинные кучи – свидетельства погребальных и поминальных церемоний, сопровождавшихся обильными “пирами” с употреблением большого количества “деликатесов” (в т.ч. не только устриц, но и, например, собак). Подобные ритуалы широко распространены в культурах всего Тихоокеанского региона.

Список литературы

- Башилов В.А.** Некоторые общие аспекты “неолитической революции” // КСИА. – 1984. – Вып. 180. – С. 9–101.
- Башилов В.А.** Темпы исторического процесса в важнейших центрах “неолитической революции” // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики. – М.: Наука, 1985. – С. 42–51.
- Башилов В.А.** “Неолитическая революция” в Центральном Андах: Две модели палеоэкономического процесса. – М.: ТОО “Старый сад”, 1999. – 206 с.
- Березкин Ю.Е.** Начало земледелия на перуанском побережье // СА. – 1969. – № 1. – С. 3–12.
- Березкин Ю.Е.** Ранние земледельцы побережья Перу // Ранние земледельцы. – Л.: Наука, 1980. – С. 86–109.
- Березкин Ю.Е.** Становление земледелия: взгляд американиста // Вестн. древней истории. – 1989. – № 1. – С. 114–117.
- Бродянский Д.Л.** Водная фауна бассейна Японского моря в первобытной экономике // КСИА. – 1985. – Вып. 181: Каменный век. – С. 57–60.
- Бродянский Д.Л.** Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1987. – 276 с.

Бродянский Д.Л. Неолит и палеометалл Южного Приморья: Дис. ... д-ра ист. наук в виде науч. докл. – Новосибирск, 1995а. – 49 с.

Бродянский Д.Л. Человек. Культура. Общество. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1995б. – 192 с.

Бродянский Д.Л. Предисловие // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2001. – С. 3–4.

Бродянский Д.Л. Раковинные кучи и аквакультура (комментарий к статье В.А. Ракова) // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2003. – С. 98–105. – (Тихоокеанская археология; вып. 13).

Бродянский Д.Л. Люди и проблемы дальневосточной археологии: (Очерки, эссе, статьи, доклады). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 192 с.

Бродянский Д.Л. Морская адаптация в древнем Приморье // Северная Пацифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена: Мат-лы Междунар. конф. “По следам древних костров”. – Магадан, 2005. – С. 134.

Бродянский Д.Л. Две экономические стратегии в неолите Дальнего Востока // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археол. съезда (23–28 октября 2006 г., г. Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 240–242.

Бродянский Д.Л., Крупяно А.А., Раков В.А. Раковинная куча в бухте Бойсмана – памятник раннего неолита // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. – 1995. – № 4. – С. 128–132.

Бродянский Д.Л., Раков В.А. Памятники первобытной аквакультуры // Природа. – 1986. – № 5. – С. 43–45.

Бродянский Д.Л., Раков В.А. Морские фаунистические комплексы в раковинных кучах Южного Приморья // Стратиграфия и корреляция четвертичных отложений Азии и Тихоокеанского региона: Тез. докл. Междунар. симп. (9–16 октября 1988 г., г. Находка). – Владивосток: Дальневост. отд-ние АН СССР, 1988. – Т. 1. – С. 112–113.

Бродянский Д.Л., Раков В.А. Морская адаптация населения и производящая экономика в неолите Приморья // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. – 1996а. – № 1. – С. 124–130.

Бродянский Д.Л., Раков В.А. Предварительные итоги изучения малакофауны нижнего слоя Бойсмана II: (к проблеме аквакультуры) // Археология Северной Пацифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996б. – С. 271–279.

Васильевский Р.С. Хозяйственная специализация и оседлость в постплейстоцене – голоцене на побережье Северо-Восточной Азии // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 3. – С. 9–13.

Гаврилова Е.А., Табарев А.В. Лосось в промыслах, мифах и ритуалах древних и традиционных культур тихоокеанского Севера // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 57–60.

Гаврилова Е.А., Табарев А.В. Молнии, плывущие друг за другом: (Тихоокеанский лосось в промыслах и ритуалах индейцев северо-западного побережья Америки): Учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. – 126 с.

Диков Н.Н., Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Древние культуры тихоокеанского побережья СССР: Учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1983. – 116 с.

История первобытного общества. – М.: Наука, 1988. – Т. 3: Эпоха классового общества. – 568 с.

К 70-летию юбилею ученого: Бродянский Давид Лазаревич [Электронный ресурс] // Дальневосточный государственный университет. Зональная научная библиотека. – Режим доступа: <http://lib.dvgu.ru/index.php?fold=menu/3/3/brodianskiy> (20.02.2007).

Массон В.М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // Вопр. истории. – 1970. – № 6. – С. 73–89.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 191 с.

Массон В.М. Первые цивилизации. – Л.: Наука, 1989. – 275 с.

Морева О.Л., Попов А.Н. Керамика как обрядовый атрибут бойсманской культуры // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2003. – С. 33–56. – (Тихоокеанская археология; вып. 13).

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.

Раков В.А. Устрицы *Crassostrea gigas* (Thunberg) из раковинных куч Южного Сахалина: интродукция, акклиматизация, аквакультура // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2001. – С. 25–36. – (Тихоокеанская археология; вып. 12).

Раков В.А. Аквакультура Восточной Азии в древние времена (проблемы происхождения и развития) // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2003. – С. 56–98. – (Тихоокеанская археология; вып. 13).

Раков В.А., Бродянский Д.Л. Первобытная аквакультура // Проблемы тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1985. – С. 145–162.

Раков В.А., Бродянский Д.Л. Древняя аквакультура (возделывание устриц в бойсманской неолитической культуре) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3(31). – С. 39–43.

Табарев А.В. О происхождении древнейших промысловых культов Северной Пацифики // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 201–202.

Табарев А.В. Древнейшие памятники тихоокеанского побережья Южной Америки: истоки приморской адаптации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой годовой сессии в ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002а. – С. 203–206.

Табарев А.В. Танцы с бифасами (обсидиан в ритуально-обрядовой практике индейцев Северной Америки) // История и культура Востока Азии: Мат-лы Междунар. конф. к 70-летию В.Е. Ларичева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002б. – С. 154–158.

Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки: Анды и тихоокеанское побережье: Учеб. пособие. – Новосибирск: Сиб. науч. книга, 2006. – 244 с.

Шнирельман В.А. “Неолитическая революция” и неравномерность исторического развития // Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений: (Проблемы неравномерности общественного развития). – М.: Изд-во Ин-та философии АН СССР, 1986. – С. 119–134.

Шнирельман В.А. Основные очаги древнейшего производящего хозяйства в свете достижений современной науки // Вестн. древней истории. – 1989. – № 1. – С. 99–110.

Шнирельман В.А. Рыболовы Камчатки: экономический потенциал и особенности социальных отношений // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Вост. лит., 1993. – С. 98–121.

Янковский М.И. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва. – 1881. – Т. 12, вып. 2/3. – С. 92–93.

Erlandson J.M. The Archaeology of Aquatic Adaptations: Paradigms for a New Millennium // Journal of Archaeological Research. – 2001. – Vol. 9, N 4. – P. 287–350.

Hayden B. Nimrods, Piscators, Pluckers, and Planters: The Emergence of Food Production // Journal of Anthropological Archaeology. – 1990. – Vol. 9. – P. 31–69.

Hayden B. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // Journal of Archaeological Method and Theory. – 1998. – Vol. 5, N 1. – P. 1–55.

Hewes G.W. Indian Fisheries Productivity in Pre-Contact Times in the Pacific Salmon Area // Northwest Anthropological Research Notes. – 1973. – Vol. 7, N 2. – P. 133–155.

Histories of Maize: Multidisciplinary Approaches to the Prehistory, Biogeography, Domestication, and Evolution of Maize. – San Diego: Academic Press, 2006. – 678 p.

Kew M. Salmon Abundance, Technology and Human Populations on the Fraser River Watershed / Ms. on the file with Anthropology Department. – Vancouver: University of British Columbia, 1976. – 242 p.

Moseley M.E. The Maritime Foundations of Andean Civilization. – Menlo Park: Cummings Publishing Company, 1975. – 131 p.

Moseley M.E. Maritime Foundations and Multilinear Evolution: Retrospect and Prospect // Andean Past. – 1992. – Vol. 3. – P. 43–54.

Price T.D., Gebauer A.B. New Perspectives on the Transition to Agriculture // Last Hunters, First Farmers: New Perspectives on the Prehistoric Transition to Agriculture. – Santa Fe: School of American Research Press, 1995. – P. 3–19.

Richardson J.B.III. Early Hunters, Fishers, Farmers and Herders: Diverse Economic Adaptations in Peru to 4500 B.P. // Revista de Arqueologia Americana. – 1992. – N 6. – P. 71–90.

Russo M., Heide G. The Joseph Reed Shell Ring // The Florida Anthropologist. – 2002. – Vol. 55, N 2. – P. 67–87.

Sandweiss D.H. The Development of Fishing Specialization on the Central Andean Coast // Prehistoric Hunter-Gatherer Fishing Strategies. – Boise: Boise State University, 1996. – P. 41–63.

Tabarev A.V. People of Salmon: Technology, Art and Ritual of the Stone Age Cultures, Russia Far East // Archaeological Education of the Japanese Fundamental Culture in East Asia. 21 COE Program Archaeology Series. – 2006. – Vol. 7. – P. 111–124.

Winterhalder B., Goland C. An Evolutionary Ecology Perspective on Diet Choice, Risk, and Plant Domestication // People, Plants, and Landscapes: Studies in Paleoethnobotany. – Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1997. – P. 123–160.

Материал поступил в редколлегию 27.02.07 г.